

Владимир Ягода
По слезам меланхолии

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Сергеевич Ягода

По слезам меланхолии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51930751

SelfPub; 2020

Аннотация

Эта книга о поиске правды и смысла жизни. Эта книга о боли и отчаянии, счастье и любви. Эта книга о поиске себя в современном мире. Эта книга о бомбе замедленного действия, что сидит в голове. Содержит нецензурную брань.

«Пусть я не достигну ничего, пусть расчёт неверен, пусть лопну и провалюсь, всё равно – я иду. Иду потому, что так хочу»

– Фёдор Достоевский

Меланхолия

Меланхолия – грустная стихия.

В меланхолии – мой мёртвый океан.

Меланхолия – секрет и ностальгия.

И я, ненастьем ведомый в подводный дурман..

Меланхолия – чувствам хирургия,

В меланхолии – твой во мне капкан,

В меланхолии с тобой мы на обрыве,

И здесь всё видно по глазам.

Меланхолия – злая эйфория.

В меланхолии – театр по листкам.

Меланхолия – часть драматургии,

Что останется на память дневникам.

В моём детстве

Моё детство – моя боль,
Моё детство – моя рана,
Моё детство – моя соль,
Моё детство – желчь страданий.

Моё детство – я не злюсь,
Моё детство – я прощаю,
Моё детство – не боюсь,
Моё детство – отпускаю...

Сердечный приступ

В глухом и мрачном подземелье
Коротает жизнь немой поэт,

Погребённый в пустой келье,
В свечном свете силуэт.

Погружён в пучину странствий
Отражений буйных лет,

Где искал ответы в пьянстве,
Но нашёл полночный бред.

Страждут тени во мраке танца,
В иступлении здесь топчут свет,

Сырость кельи в убранстве,
Дополняла общий цвет.

И всё, возможно,
Длилось вечно:

Поиск истины
И бесконечность сна.

Но стук внезапный в темноте
Прервал усталый скрип пера.

Тьма нарисованных вещей
Застыла в этом часе,

Хруст надуманных речей
Отразился на гримасе.

Отблеск единственных лучей
Стал живым, как по приказу,

И со стуком в темноте
Вдруг стал биться в одной фазе.

Поэт встал, весь в наготе,

В молочно-бедственном окрасе,

И в изумлённой красоте
Сделал шаг, боясь в экстазе...

Стены кельи распахнулись,
Разлив по формам алый свет,

Тени в спешке обернулись,
Обнажив пустой скелет...

Поэт не оглянулся,
Он понял одну суть:

Чтобы пробудиться,
Пройти нужно этот путь.

Страх самобытных подземелий
Паутиной лип к глазам,

Алый свет, как у артерий,
Мигал в стуче по углам.

Поэт отбросил ряд сомнений,
Плотно волю сжал в кулак,

В глубину пошёл сырую,
По пути глотая мрак.

Время ахнуло в пучине,
Тут и там не счесть путей,

Как Тесей, бродил мужчина,
Но без нити из шерсти.

Сомнений надвинулась лавина
О правильности выбранного пути,

Натянулась нервами пружина
Внутри черепной кости.

Но вдруг запахло мертвечиной;
Мне не хватило бы кистей,

Чтобы описать картину
На мольберте из страстей.

Из лабиринта поэт вышел в помещение:
Огромный зал, колонн не счесть,

Как в старом замке, ощущение...
И здесь творилась просто жесьь,

Тут и там валялись трупы,
Кости, кровь, моча и кал -

Всё смешалось в массе грубой,
И дух поэта задрожал!

Алый свет мигал всё чаще,
Непонятный стук в ушах,

Поэт немой, но рот кричащий,
И ужас дикий на глазах.

Было хотел вернуться в келью,
Забиться и пропасть на милость сна,

Затеряться в этих подземельях,
Где свобода вовсе не властна.

Но вдруг серьёзно показалось,
Все эти лица у людей,

К удивлению, оказались
Частью ранее написанных ролей.

Здесь были все, кто раньше в пьесах

Искали истину свою,

И все, придуманные в текстах,
Перед создателем тут гнили на полу.

В ошеломлении стоял поэт -
Скованно, не шелохнувшись,

Мурашки спрятались в скелет,
От ужаса проснувшись.

Себя переселив, двинулся аскет,
Волей грусть коснувшись,

А вездесущий алый свет
Замер здесь, в стук уткнувшись.

Вдруг резкий крик
Прорвался в бездну,

И страх возник
Во тьме телесно.

Он как двойник -
С поэтом тесно,

Но лишь на миг
Похож чудесно,

А в остальном – это создание,
Безобразное на вид,

Из страхов лютых сочетаний
Да мраком вешним просто сшит.

Полость рта в слюне кипела,
Один глаз совсем зашит,

Другим же яростно смотрело,
В алом свете зло горит...

Это создание всецело
В этом ужасе царит,

И на бой с поэтом смело
Через зал уже летит.

Последний бой -
Он трудный самый,

Нет сомнений-
В том есть честь.

Поэт с судьбой
В зале незваном

Теперь без колебаний
Жаждет мечь.

И, может, сгинет он
В бою неравном,

Может, надорвётся
И умрёт...

Но страх свой самый
Первозданный!

Не убоится
И убьёт.

Вперёд кинулся поэт
С верой во благое,

И из груди его ударил свет,
Чтобы страх раскрылся в вое.

Немой рот поэта вдруг зажгло,

И воинство святое

Вдруг воскресло и пошло
За создателя в лихое.

Смешались ярые тона
В палитре – битве зноя,

И роковой нанёс удар
Поэт в разгаре боя.

Дрогнул страх и сократился...
Пусть не умер, но исчез,

И в пространстве растворился
Самый важный в жизни бес.

Страх исчез,
Залило светом

Зал с небес,
Как жарким летом.

Нагой поэт,
С алым отсветом,

Под лёгкий стук
Шёл за ответом.

А воскресшие герои
За его спиной

Все, ровно как один,
Ему махали вслед рукой.

Отворилась дверь в огромном зале,
Вступил поэт и обомлел:

Всё та же келья, как вначале,
Всё так же пусто, но светло.

На столе бумаги ждали,
И в груди поэта вдруг зажгло,

Огонь на сердце раз последний,
Дико взвыл и отступил.

Рубец оставил средний
И тотчас освободил.

В глухом и светлом подземелье
Сел за стол седой поэт,

Чернилами, как акварелью,
Погружаясь в свой сюжет...

Вспышка света, черты лиц,
Давно умерших иль живых,

Потихоньку прояснялись
Над ним силуэты склонившихся Родных...

Нет, он не умер!
Нет, ещё пока
Сердечный приступ лишь случился
По мере расширения зрачка...

Я болен

Я болен, друг мой.
Я ужасно болен,
Вольная воля клокочет во мне.
Она сродни душистому полю,
Ещё не расцветшему,
Но подожжённого по ранней весне.

Я болен, друг мой.
Я ужасно болен,

Глубокое море сокрыто во мне,
Оно утопило священное горе,
Во мраке холодном,
На каменном дне.

Я болен, друг мой.
Я ужасно болен.
В жестоком позоре мир видится мне,
Каждый день, каждый час разговора,
Не поддержанный правдой,
Вылетает в слюне.

Я болен, друг мой.
Я ужасно болен,
Простая мечта бьётся во мне,
Её на все лады постоянно мусолю,
В любви безответной,
Сам с собою в войне.

Ночь и грусть

Последние капли заката

Стекают в бездну ночи,

Словно рубины в три карата,

Во мгле добываемой горы.

Огонь небес покинет келью,

Окутает пространство мрак,

И со свечою в руках бледных

Земля прикинет чёрный фрак.

И вновь она, скребётся в душу,

Стучится жалобно с тоской:

«Впусти, хозяин, дай покушать

Кусочек сердца, что святой».

И я впущу, с ней мы знакомы,

Она пахнет грустью и вином.

Это часть общего симптома,

Что лишь двоим нам с ней ведом.

Её прошу я нести краски,

Созданные в низостях идей,

Где у людей слетают маски,

Да все те, что пострастней.

Все пороки – на холсты!
И оживить гнилое рабство,
Пририсовать ко всем костры,
Как учила совесть папства...

Я рисую – она ест
Кусочек сердца золотого,
Что просила за стеной
Ещё вечера немого.

Опять ночь изъела душу,
На неё не злюсь, прощаюсь с дорогой,
Когда последние глотки из лужи
Луна оставит за щекой.

Что такое отчаяние?

Отчаяние – это боль и страдание,
Отчаяние – это в душе перебор,
Отчаяние – это четыре стены и метания,
Свобода или среди стен приговор.

Отчаяние – это мука желания,
Отчаяние – это невыносимый позор,
Отчаяние – это выбор ожидания,

Где в итоге или коридор, или забор.

Отчаяние – это спёртость дыхания,
Отчаяние – это когда не ты режиссёр,
Отчаяние – это трещина в основании,
В доме, где живёт фантазёр.

В отчаянии наши мечтания,
В отчаянии разжигаем костёр,
В отчаянии мои с тобой оправдания,
Когда их бросаем в последний котёл.

От чего плачет душа

Где торопится жизнь,
Там срываются люди,
И заклеены рты
Мундирами судей.
Аурой красной,
Что негде пройти,
Мир безопасный?!
Ну, кругом карантин...
Беглые нарки
Хуже стада зверей,
Рыщут отраву,
Да ту, что позлей.

Лицемерными нитями
Здесь сшитое дно,
Общество дикое,
Типа снаружи умно.
Чёрное или белое -
Теперь всё одно,
Ведь на голубых экранах
Уже все решено.
Пухлый начальник
Иль худой наркоман -
Грозит всем цепями
Кредитный обман.
Рыщут коллекторы,
Надувается грудь,
Как в зоопарке – шакалы,
Не чувствуют суть.
Ростовщики и банкиры,
Жрецы–крикуны,
С символом злата
Порабощают миры.
Здесь, в отравленном газе,
Глазницы детей,
В отчётность – все ниже,
А облака все черней.
Мать-природу
Из депутатов врачи

Суют в газопровод,
Пополняя харчи.
И всё это возможно
Здесь продолжать без конца,
Но ты уже понял,
От чего плачет душа?!

В очередную осень

Холодными, бледными лучами
К ветвям деревьев прикована луна,
Жгучей печалью, долгими ночами,
С ней ждёт рассвета пьяная страна.

Ночь грузно, во мраке над плечами
Ворошит угли в небе колдуна,
И тут, и там тихонько брякает ключами,
Нарочно дразнит, как сварливая жена.

Нарочно ждёт за шумными речами,
Где вот-вот будет объявлена война...
Как будто уже слышно, как бряцают мечами,
Или это рюмка на столе опять пьяна?

С подбоем красным, золочеными рядами
Или кричит, или зовёт к себе листва,

Или поёт, или шумит этими ночами
В очередную осень с ветвей падает она.

И разбивается одна под проводами,
Когда к деревьям прикована луна,
Она одна, одна под господами,
Когда веки жжёт пьяная слеза.

Ты счастлив?

Ты счастлив?

–Да!

Ответ нервозный,
Но вот что-то всё-таки не то.

Ты счастлив!?

–Да!?

Ладно,

Но говорит это тело или нутро?

Ты счастлив?

–Ты не слышишь, да!

Какой ты грозный,

Но вот ответ твой, как в кино:

Такой наигранно-фальшивый,

Уж виден принцип домино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.